

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

**«Волгоградский
государственный университет»
(ВолГУ)**

пр-кт Университетский, 100,
Волгоград, 400062, Россия
Телефон (8442) 46-02-63, факс: (8442) 46-18-48
E-mail: ob.otdel@volsu.ru
ОКПО 05264367, ОГРН 1023404237669,
ИНН/КПП 3446500743/344601001

УТВЕРЖДАЮ
Первый проректор
ФГАОУ ВО «Волгоградский
государственный университет»

В.А. Дзедик

21.11. 2023 № 08.100-6-3420

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет» на
диссертацию
Фединой Ирины Михайловны
«Исторические формы поселений и поселенческий уклад казаков-переселенцев на
Кубани в конце XVIII – начале XX веков»,
по специальности 5.6.1 – Отечественная история.
на соискание ученой степени доктора исторических наук

Актуальность и практическая значимость диссертационной работы, посвященной исследованию поселений и поселенческого уклада жизни казаков-переселенцев на Кубани конце XVIII – начале XX в., не вызывает сомнений и определяется рядом факторов. Во-первых, именно традиционные формы поселений, создаваемые самим народом, отражали его социальное творчество, будучи одной из форм народной самоорганизации. Особенно ярко это творчество и социальная самоорганизация были проявлены в казачьей среде, которая представляет собой исторический и культурный феномен, обладающий большим развивающим потенциалом и в современной российской действительности. В рамках современной политики российских властей по отношению к казачеству акцент делается на объективном изучении и тщательном сохранении многогранного исторического прошлого и культурного наследия казаков.

Во-вторых, актуальность исследования обусловлена тем, что собственно народные инициативы рассматриваются в диссертации на фоне активной государственной политики по освоению конфликтного северокавказского фронта. На территории Кубани произошло объединение геополитики России на Кавказе, деятельности местных

001538

властей и собственно народных инициатив и практик, опыт всех этих акторов нуждается в особом осмыслении, в том числе в свете геополитических проблем современной России.

Актуальность диссертационной работы определяется также тем, что, несмотря на наличие значительного массива краеведческих исследований отдельных поселений Кубани, до настоящего времени не сложилось общей исторической картины поселенческого пространства Кубани, отражающей его генезис, основные структурные элементы, их эволюцию и особенности уклада жизни поселян на фоне политики имперских и региональных властей.

В соответствии с п. 24 «Положения о присуждении ученых степеней» (утверждённого Постановлением № 842 Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г.), докторская диссертация И.М. Фединой может быть квалифицирована как имеющая прикладной характер и практическую значимость, так как ее содержательная часть и представленные выводы способствуют пониманию специфики пространственного мира Кубани, могут использоваться в процессах регионального брендинга, необходимого как для коммеморативных практик, так и для развития в регионе культурно-исторического туризма.

Материалы диссертационного исследования могут также использоваться при проведении учебных занятий в образовательных организациях высшего образования, при проведении учебных занятий и для осуществления внеклассной воспитательной работы в муниципальных образовательных организациях (средних школах) со статусом «казачья организация», казачьих классах, казачьих кадетских корпусах, профессиональных образовательных организациях со статусом «казачьи», в учреждениях дополнительного образования и в процессе реализации дополнительных образовательных программ и услуг в интересах личности, общества, государства, осуществляемых общественными организациями, например, российским обществом «Знание».

Научная новизна исследования.

В диссертационной работе Ирины Михайловны Фединой представлен опыт исследования истории и особенностей освоения Кубани казаками-переселенцами в XVIII–начале XX в., осуществленный через призму анализа особенностей создаваемых ими поселений. Такой подход представляется очень интересным и значимым, обладающим признаками научной новизны, так как дает возможность выйти за рамки традиционных исторических исследований, когда изучаются преимущественно действия государственных органов власти и остаются в стороне собственно народные инициативы и практики по освоению новых территорий и формированию поселенческих структур,

или воссоздается лишь история возникновения отдельных поселений в отрыве от общих тенденций развития региона. По сути, в диссертации представлено междисциплинарное исследование, располагающееся на стыке истории, этнографии и культурной антропологии.

Эта особенность диссертационной работы обусловила и ее научную новизну, и широкий круг исследовательских задач, связанных с намерением автора рассмотреть кубанские казачьи поселения в качестве целостной военно-административной, хозяйственно-культурной и духовно-нравственной системы на фоне политики имперских и региональных властей по освоению края. В целом научная новизна диссертационной работы обусловлена следующими положениями:

1. В диссертационном исследовании представлены коллизии формирования поселенческой сети в ходе освоения казаками Кубани в конце XVIII– первой трети XIX в., выявлены особенности межевания осваиваемых земель и формирования принципов землепользования, вводимых государственными структурами, а также рассмотрены принципы использования земель и поселенческого благоустройства с использованием народных традиционных практик и процедур.

2. Разработана авторская типология поселений черноморских и линейных казаков, показана их эволюция и трансформация; предложены дефиниции выделенных поселенческих структур; определены ключевые формы поселений, сохранявшиеся и развивавшиеся на протяжении всего изучаемого периода (конец XVIII– начало XX в.); выявлены общие и особенные черты поселенческих структур (их генезиса и развития) у черноморских и линейных казаков.

3. В качестве отдельной научной проблемы рассмотрены генезис и эволюция казачьих хуторских поселений на Кубани в конце XVIII– начале XX в., выявлены их основные прогрессивные черты и определены параметры эффективности хозяйственно-культурного уклада кубанского хутора.

4. Представлен анализ социальных проектов имперских властей по защите и обживанию отвоеванной Россией полосы Восточного Причерноморья; выделены основные периоды в российском освоении этих территорий.

5. Осуществлена историческая реконструкция сети общекубанских региональных и внутренних кордонных линий в Закубанском крае, являвшихся базисными военно-хозяйственными конструктами в процессах освоения казаками этой территории; исследованы поселенческие практики имперских и региональных властей, социальные трансформации кубанских поселений показаны на фоне административно-территориальных преобразований, проводимых во вт. пол. XIX – начале XX в.; выявлены

варианты сохранения традиционных ценностей и распространения модернизационных веяний в региональном поселенческом пространстве.

Достоверность научных положений диссертации определяется репрезентативностью источниковой базы и обоснованным выбором применяемых автором исследовательских методов.

В качестве основных научных подходов и методов автором использованы фундаментальные принципы исторического познания (объективности, историзма, системности, конкретности и альтернативности), а также – антропосоциокультурный подход, методологические позиции географического POSSИБИЛИЗМА, методы «новой локальной истории» и «культуры повседневности».

Говоря о «культуре повседневности», стоит особенно отметить плодотворность методов этой научной дисциплины, позволяющей рассматривать не только деятельность государственных и региональных структур, но и (насколько это позволяют привлекаемые автором источники) охарактеризовать особенности социокультурного пространства исследуемых поселений, воспроизводя их в качестве целостной структуры, включающей и аспекты повседневных культурных практик обитающих в них людей.

При историческом описании кубанских поселений использовался также инновационный планиграфический метод и, соответственно, планиграфический анализ, методика которого разработана автором в рамках реализации принципа историзма. В целом авторский выбор методов и подходов релевантен исследовательским задачам.

Автором диссертации использован широкий и вполне репрезентативный круг источников. Опора, в первую очередь, на неопубликованные письменные источники (материалы трех федеральных, четырех региональных и трех муниципальных архивов, в общей сложности – 65 фондов и 344 архивных дела) позволила обеспечить достаточную степень новизны диссертационной работы (и в ввод в научный оборот новых исторических свидетельств) и фундированность проведенного исследования, а также доказательность результатов и выводов, сформулированных в исследовании.

Содержание диссертации выстроено структурно в соответствии со сформулированными автором исследовательскими задачами. Работа состоит из Введения, 6 глав, заключения, списка литературы и источников (318 наименований) и приложения (последние в виде статистических обобщений-таблиц, карт и копий документов сами по себе имеют научную ценность).

В первой главе диссертационного исследования представлены перечень и характеристика использованных автором источников, подробный историографический обзор, а также дано обоснование теоретико-методической основы исследования.

Рассматривая во второй главе диссертационной работы («Освоение земель, расселение и устройство поселений черноморских и линейных казаков в конце XVIII – первой трети XIX в.») проблемы освоения черноморскими и линейными казаками новых земель, автор анализирует особенности их межевания, отмечая ведущую роль в этом процессе официальных структур. Однако выделяются им также и собственно народные принципы землепользования, например, традиции вольного захвата земель в условиях их избытка, принесенные черноморцами из Запорожской Сечи. Такой же принцип в землепользовании был изначально распространен и на Дону. Но, показательно, что осуществленный впоследствии переход к принципу «можешь захватывать столько земли, сколько можешь обработать» (а потом и к уравнительному землепользованию) у донцов происходил по инициативе общин, а на Кубани – был закреплен жалованной грамотой Екатерины II, согласно которой каждый казак получал право свободной заимки такой земельной площади, какую он мог обработать. Это – один из многочисленных примеров того, как российские традиции казачкования все более попадали под контроль имперских властей, ограничивавших многие былые казачьи вольности.

Показана в этой главе и специфика поселений, создаваемых черноморскими казаками и казаками-линейцами (выделяются особенности планировки и обустройства черноморских куреней и линейных станиц), их непосредственная связь с военно-организационными задачами Войска, а также зависимость от решений имперских властей.

Специфика освоения региона как пограничной территории и обусловленность особенностей ее заселения военно-стратегическими задачами представлена и в третьей главе диссертационной работы («Военно-казачий императив в заселении Закубанского края»), в которой автор показывает наличие именно казачьей модели заселения Закубанского края (связь заселения с кордонными линиями, станиц – с военно-полковой организацией, когда станицу мог образовать казачий полк и пр.).

Четвертая глава диссертационной работы («Топохронная эволюция хуторских поселений кубанских казаков в конце XVIII – начале XX в.») целиком посвящена кубанскому казачьему хутору. В ней автор выделяет три первичных потока в образовании хуторов как поселенческих структур на Правобережье Кубани и обосновывает мысль о том, что распространение хуторов отражало, с одной стороны, тенденцию поселенческой индивидуализации при освоении казаками территории

Правобережья Кубани, а с другой стороны – значительное расширение прав собственности черноморского казачества на землю и являлось подтверждением его заслуг в продвижении государственных интересов на российском имперском Юге.

Автор также считает, что кубанский хутор сохранил в качестве первоосновы два базисных элемента казачьей земельной идеологии – землю и волю. Это обстоятельство представляется очень интересным и отражающим специфику освоения казаками именно Кубани, однако нуждается в уточнениях. Дело в том, что идеологема «земля и воля» была характерна, в первую очередь, для крестьянского мира, в казачьей же традиции земля в ранний период истории не являлась объектом вложения труда, земле-пашне здесь противостояло «чистое поле» и именно оно было связано с волей (полевать-гулевать). Другое дело, что традиции кубанских казаков формировались в то время, когда прежние казачьи принципы (в которых земля=пашня не была ценностью) уже сходили на нет, и в таком случае речь должна идти о специфике казачьей Кубани. На примере кубанской традиции мы имеем определенную специфику в организации поселенческой жизни, когда хутора, действительно, играли важнейшую роль, в отличие от традиции донской (более ранней), где первоначально стремление некоторых казаков поселиться на хуторах запрещалось войсковым начальством, а нарушители строго наказывались. На Дону связь казака с землей и распространение хуторской системы – явление более позднее, в то время как на Кубани хутора возникают вместе с формированием здесь казачества.

В связи с этим представляется закономерным то внимание, которое автор уделяет истории возникновения хуторов, их классификации, административно-правовому положению, хозяйственно-культурному укладу жизни хуторян, а также поиску «архетипа казачьего хуторского мира Кубани». Но при этом все же необходимо учитывать, что и для кубанских казаков земля соотносилась с понятием военной (государевой) службы, и в этом заключалось главное их мировоззренческое и организационное (при организации системы землепользования) отличие от крестьян и иногородних.

Пятая глава работы («Поселенческое миромоделирование Восточного Причерноморья») посвящена анализу проектов имперских властей по защите и освоению полосы Восточного Причерноморья, отвоеванной Россией в начале XIX в. В этой главе поэтапно (в рамках четырех, выделенных автором этапов) рассматриваются процессы создания укрепленных пунктов на этой территории, а также основание переселенцами новых станиц, идет речь о том, как поощрялись переселенцы различными льготами, и дается перечень вновь основанных станиц.

В шестой главе работы («Трансформация кубанских поселений во второй половине XIX – начале XX в») показаны те изменения, которые произошли в

социокультурном пространстве кубанских поселений во вт. пол. XIX в. в связи с проводившимися административно-территориальными преобразованиями, а также в связи с изменениями в экономической сфере жизни казаков. Автор убедительно показывает, как в это время менялись основополагающие принципы формирования и существования кубанских станиц: детерминированные ранее географическим и военно-стратегическим принципами, в это время станицы моделируются уже под влиянием хозяйственных и торговых принципов, а также транспортных возможностей. Кардинально изменившаяся в это время структура кубанских станиц хорошо показана на примере г. Екатеринодара, ставшего прототипом всех остальных кубанских станиц.

Что касается третьего параграфа шестой главы («Иногороднее крестьянство и казачество в кубанских поселениях во второй половине XIX – начале XX вв.»), то он имеет, как представляется, факультативное значение, так как полностью посвящен иногороднему населению Кубани, экономическое и социокультурное положение которого резко отличалось от условий жизни казаков.

В целом можно констатировать, что в диссертационной работе Ирины Михайловны Фединой представлено масштабное исследование исторических форм казачьих поселений Кубани в широких хронологических рамках, с выявлением основных факторов их формирования, исторической эволюции, с выявлением особенностей разных видов поселений и характерным для них укладом жизни поселян. Автору удалось показать региональную специфику этих процессов, отличающую поселения Кубани от поселенческих традиций других казачьих территорий России, а также выделить специфические локусы внутри кубанской традиции. В работе решена масштабная научная проблема, углубляющая научное представление о специфике поселенческих структур и поселенческого уклада кубанских казаков, сформировавшихся в процессе освоения региона.

В целом высоко оценивая проведенное исследование, следует отметить и наличие ряда спорных и дискуссионных моментов, основными из которых, на наш взгляд, являются следующие:

1. Направляя свой исследовательский интерес на казачьи поселения Кубани, автор местами придает им гипертрофированное значение, наделяя способностями порождать и трансформировать «историческую повседневность и казачий уклад жизни» (с. 2). Представляется, однако, что при всей значимости поселений как элементов традиционной культуры, они все же являются порождением социума и народа (а не наоборот), и именно избранные народом формы социальности порождают ту или иную форму поселения (так архаичный социум с относительным равенством его членов

воспроизводит круговые типы поселений, а с появлением социального расслоения появляются линейные и иные по форме поселения). Применительно к Кубани дореволюционного времени речь, как представляется, должна идти о поземельной (соседской) общине (за исключением ранней истории черноморцев, когда такой первичной ячейкой был курень), и именно общинный уклад жизни (наряду с другими факторами) во многом определял структуру казачьих поселений, включая относящиеся к ним земельные и иные угодья. Между тем, в диссертационном исследовании не поземельная казачья община, а именно поселение объявляется основой всей социокультурной и хозяйственной жизни казаков. Так на с. 116 автор утверждает, что «первоэлементом казачьего мира» является поселение. В таком случае уместно провести аналогии с донскими казаками, у которых в ранний период истории поселения часто были временными, они сами часто разрушали их и забрасывали, провозглашая основными принципами своей (казачьей) жизни волю и военное дело, а первоосновой казачьей организации были воинские артели-односумства.

2. В параграфе 4.1. «Складывание архетипа казачьего хуторского мира на Кубани» автором ставится задача выявления архетипа казачьего хутора.

Понятие «архетип» связано с образами и символами, формирующимися в коллективном бессознательном. Однако в представленных в этом параграфе материалах дается классификация хуторов и показана их эволюция. На наш взгляд, остаются не разъясненными в достаточной степени вопросы: что же представлял собой архетип кубанского казачьего хутора и каковы «архетипичные черты культуры хуторян» (термин автора)?

3. Исходя из того, что автором был заявлен антропосоциокультурный подход к исследованию казачьих поселений Кубани, можно высказать в качестве пожелания, более расширенно и последовательно его применять. Даже с учетом того, что на Кубани (в отличие, например, от казачьих Дона и Урала) воздействие официальных органов власти (имперских и региональных) на поселенческие процессы было весьма значимым, народные способы освоения своей земли и организации социокультурного пространства поселений были также ярко проявлены (см., например, исследования краснодарского ученого О.В. Матвеева). Речь должна идти, например, об особенностях исторического восприятия казаками пространства (ср.: река- граница, горы – «чужой мир»), о понятиях «своей» и «чужой территории», народных способах межевания угодий, представлениях о поясах станичного пространства, способах и формах духовного освоения «своей» территории (институт станичных и хуторских святынь, топонимика и пр.).

4. Некоторые формулировки в диссертационном исследовании так перегружены множественными и второстепенными значениями и смыслами, что делает затруднительным понимание их смысла глубинного. Например, формулировка одной из задач исследования на с. 12: «установить исторические пределы многообразия форм поселений черноморских и линейных казаков, иных категорий переселенцев в исторической повседневности Кубани с выяснением понятийных смыслов в рамках вероятностного наличия вариантов исторической интерпретации, в том числе, в отношении ранее употреблявшихся в исторических исследованиях дефиниций».

Все высказанные выше пожелания, замечания и вопросы ни в коей степени не умаляют значимости и масштабности проведенного автором диссертации исследования; некоторые из них имеют характер дискуссионный или высказаны в качестве пожелания.

На основе выше изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Представленная к защите диссертационная работа Ирины Михайловны Феединой является самостоятельно выполненным, аргументированным и фундаментальным исследованием, которое учитывает современный уровень исторической науки, обладает признаками научной новизны и вносит существенный вклад в развитие глобальной темы освоения Россией новых территорий и организации народной поселенческой жизни.

2. Основные результаты диссертационной работы прошли апробацию, в том числе в 16 публикациях в журналах из реестра ВАК, в 4 статьях, опубликованных в журналах, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования (Scopus, Web of Sciens) и 6 монографиях. В опубликованных монографиях, статьях и тезисах докладов содержание диссертации отражено достаточно полно, личный вклад соискателя в полученных результатах можно считать подтвержденным.

Содержание автореферата полностью соответствует тексту диссертации и отражает все его разделы.

3. Диссертация выполнена в рамках паспорта научной специальности 5.6.1. – Отечественная история, и её содержание соответствует следующим направлениям исследований: 3. Социально-экономическая политика Российского государства и её реализация на различных этапах его развития; 4. История взаимоотношений власти и общества, государственных органов; 6. История повседневной жизни различных слоёв населения страны на соответствующем этапе её развития; 7. История развития различных социальных групп России, их общественно-политической и социально-культурной жизни, а также хозяйственной деятельности; 8. Военная история России, развитие её вооружённых сил на различных этапах развития; 15. Исторический опыт российских

